

А.И. Кривенький

Историческое значение теории статутов для развития науки международного частного права

Несколько столетий в развитии науки международного частного (конфликтного, коллизионного) права господствовала теория статутов, зародившаяся на основе комментариев норм римского права с целью приспособления его к нуждам сформировавшихся государств Европы. В ходе развития теории статутов выяснялись вопросы возможности экстерриториального применения законов с целью защиты благоприобретенных прав за пределами своей территории. В итоге был сформулирован ряд теоретически важных положений о регулятивной теории коллизионного права, территориальности права, коллизионных принципов выбора права, которые широко применяются и в современном международном частном праве.

Ключевые слова: конфликтные нормы; коллизионные нормы; теория статутов; статутарии; территориальность права; принципы выбора права.

О теории статутов написано много, может быть, слишком много, если сравнивать это с другими теориями в развитии правоведения как совокупности наук о праве. С другой стороны, теория статутов подготовила почву для проникновения в глубинные проблемы правоведения. В XV веке она была облечена в литературную форму Бартолом и Бальдом, выстроившим статуты в строго определенную систему: определяющие личные права — *statute personalia*, вещные права — *statute realia*, обязательственные права — *statuta mixta* (смешанные статуты). В XVI веке Д'Аржантре продолжил литературное оформление теории статутов. Правда, в его теоретических построениях она еще отличалась определенной примитивностью. Достаточно знать, замечал Д'Аржантре, «о чем говорит закон о вещах или о лицах, и тем самым уже сказано, имеет ли он значение вне своей территории» [1: с. 91]. Спустя два века теория статутов проделала значительную диалектическую эволюцию и была усовершенствована в плане практического ее применения, например, в судебной практике. В XVII веке отец и сын Футы впервые доказали, что «распределение законов по их объектам есть только шаг к разграничению их по их эффектам на территории и вне ее» [1: с. 91]. В XVIII веке Буйе сделал важное открытие, обосновав его следующим образом: простое распределение законов по вещам и лицам недостаточно. Законы следует распределять только по их эффектам, для чего следует пересмотреть все законы в зависимости от их содержания, или, что то же самое, по их объектам. Бульнуа продолжил развивать

теорию распределения законов по их объектам. Таким образом, на протяжении нескольких веков в теории статутов оставалась та же основа: скажите, о чем говорит закон, и мы вам скажем, является ли он реальным или личным [1: с. 91]. Казалось бы, что может быть проще? Но эта кажущаяся простота оказалась не только предательской, но и трудно преодолимой.

«Приступая к делу, — пишет М.И. Брун, — статутарий как бы видел перед собою три коробки, на которых ярлыки с надписями: Реальные статуты, Личные статуты, Смешанные статуты; в стороне в беспорядке свалены все законы, и на обязанности теоретика — всю эту кучу разобрать и все законы разложить по коробкам» [1: с. 91]. В дальнейшем, казалось бы, вопрос должен решаться очень просто: какие из законов класть в каждую коробку. При разрешении конкретного конфликта судье, например, стоит лишь посмотреть на ярлык коробки, в которую теоретик вложил закон, находящийся в конфликте, и ответ на вопрос решен, как-то: обязателен ли закон для иностранца на его территории или применим ли закон вне своей территории? [1: с. 91].

Но главная проблема, над которой столетия бились юристы, состояла в том, сколько коробок необходимо для расклада законов — две или три. Началось дискуссии положено было французом Д'Аржантре, продолжено фламандцем Бургундусом и голландцем Роденбургом, а завершена она была французами Буйе и Бульнуа. Рассуждения каждого из трех, названных первыми, весьма любопытны, но сходились они в том, что для расклада законов необходимы две коробки. Аргументация их была такой. Смешанные статуты — это те, которые в одно и то же время могут регламентировать и реальные, и личные действия, к примеру, статут, который «запрещает жене договариваться и отчуждать свое имущество без разрешения мужа; он — личный, ибо запрещает договариваться; он — реальный, ибо запрещает отчуждать» [1: с. 92]. Такие статуты, говорили они, являются в одно и то же время и территориальными, и экстерриториальными, поскольку при регламентации недвижимости они не действуют вне своей территории, а при регулировании движимой собственности распространяют свое действие за пределами своей территории [1: с. 93].

Роденбург пошел дальше Д'Аржантре и Бургундуса, решив, что смешанные статуты не существуют вовсе, а есть только личные и реальные. В XVIII веке отрицал наличие смешанных статутов также Буйе, а Бульнуа сначала разделял такое же мнение, а затем решил, что они все же существуют, но представляют собой своеобразные правила, касающиеся одновременно и лица, и вещи, причем лишь в отношении определенных актов, например акт, «дозволяющий малолетнему распоряжаться недвижимостью в пользу своей жены путем взаимного дарения» [1: с. 93].

В итоге, круг замкнулся. Классификация законов по содержанию и по объектам завела исследователей в тупик. Хотя часть статутариев, основываясь на этом критерии деления статутов, в конце концов пришли к выводу о наличии трех видов статутов — личных, реальных и смешанных, но так и не решили другого важного вопроса — как отличить реальный статут от личного?

Так, Флоран (*Froland*) писал: «Иной воображает себя большим искусником и думает, что открыл секрет, когда узнал, что реальный статут касается имущества, а личный касается лиц; между тем с этими определениями мы только у азбуки и знаем еще очень мало; труд в том и состоит, чтобы открыть, когда статут касается только имущества или только лица. Я сам очень часто, несмотря на все мое внимание, ошибался» [3: с. 114]. Многие исследователи, отмечает М.И. Брун, «смеялись над критериями Бартола, над синтаксическим толкованием текста, над различием между благорасположениями и одиозными статутами. А сами, потолкавшись на месте, часто с отчаянием опускали руки или говорили, как тот же Флоран: не знаешь, какому алтарю молиться, чтобы давать в этой области правильные ответы» [3: с. 114].

Основной ошибкой статутариев было то, что они делили статуты по основаниям, имевшим смысл и значение для целей гражданского права, предполагая, что такое деление обязательно и для коллизионного права. Скажем, в гражданском праве в эпоху статутариев, а тем более позже, жестким правилом является деление вещей на недвижимые и движимые в плане приобретения, пределов виндикации, подсудности, способов взыскания. Однако с течением времени такое различие перестало играть столь важную роль в теории коллизионного права, так как все регулирование вещных прав осуществляется на основе принципа *lex rei sitae*. Но статутарии именно в делении вещей на недвижимые и движимые видели основание отнесения одних законов к личным, других — к реальным.

Словом, вместо того, чтобы довольствоваться классификацией законов, необходимо рассматривать и анализировать правоотношения, регулируемые этими законами. Но в данном случае и коллизионные нормы, используемые при разрешении коллизий, всегда будут иные. Иначе, коллизионная норма «не зависит вовсе от классификации закона по его объекту» [1: с. 100]. Знакомая с законом по гражданскому праву, мы не можем знать, какая коллизионная норма будет использована при выборе права в ходе регулирования конкретного правоотношения. Для того чтобы решить это, необходимо знать, о каком правоотношении идет речь. Следовательно, ошибка статутариев была в следующем: они полагали, «что из содержания закона материального права, — пишет М.И. Брун, — можно вычитать конфликтную норму, которая определит, следует ли применять этот закон или можно пожертвовать им ради иностранного закона. Конфликтная норма всегда является следствием оценки степени важности правоотношения для жизни гражданского общества и следствием сравнения своего и чужого законов с точки зрения пригодности того или другого для регулирования связанных с жизнью этого общества правоотношений...» [1: с. 101]. Таким образом, статутарии, не понимая этого, то и дело впадали в ошибки друг с другом и сами с собою, в то время как «юридическое чутье подсказывало им, что распределением законов по группам еще ничего не достигнуто» [1: с. 102].

В итоге считаем возможным сформулировать следующие выводы:

1. Большинство самых известных статутариев были далеки от преувеличения оценки своей теории. Так, Бальнуа утверждал: «Нельзя в этой области обходиться без принципов, иначе правосудие будет произвольно: но эта область так сложна, что я могу только фиксировать принципы, способные разрешать возможно большее количество смешанных (коллизионных) случаев» [1: с. 103].

2. Статутарии, конечно, претендовали на то, что их теоретические выводы должны применяться на практике, и, как практические юристы (большинство из них таковыми и были — преподавателями и профессорами, судьями и адвокатами, советниками по праву и государственными служащими), «сами легко убеждались в шаткости своих положений и допускали, что и принципы имеют только относительную цену» [1: с. 103].

3. Именно потому, что многие из статутариев были талантливыми и превосходными юристами, они не останавливались в поисках справедливых решений, которые в необходимых случаях меняли. «Не меняют своих решений только упрямы и невежды» [2: с. 32], — говорил св. Августин. Тот любит себя сверх меры, кто не признается в своей ошибке, предпочитая оставить других в заблуждении, в которое он их ввергнул [2: с. 32].

4. Такая позиция не может не подкупать в пользу статутариев. «Как и их духовный предок Бальд, все они, — замечает М.И. Брун, — как первый из них, грубоватый бретонский чиновник XVI века, Д'Аржантре, так и последний благовоспитанный парижанин XVIII века, Бульнуа, оставались верны регулятивной идее своего конфликтного права — найти пути для защиты благоприобретенных на чужой территории прав» [1: с. 104].

5. На основе описанных выше фактов можно предположить, что статутарии приблизились к пониманию идеи территориальности права. И хотя понимание статутариями территориальности права отличалось от порядка, «при котором норма материального права имеет такое, а не иное содержание вследствие того, что при ее выработке принята в расчет — сознательно или нет, все равно, — привязка отношения к территории» [1: с. 104–105], тем не менее они видели в территориальности конфликтный смысл: «территориальны те нормы, которые чужих подле себя или вместо себя не терпят. Это — нормы “буки”, отпугивающие всякие чужие нормы» [1: с. 105].

6. Во имя защиты благоприобретенных прав, в том числе за границей, статутарии содействовали общечеловеческому единению. Бальнуа, например, писал: «Разные законы, правящие народами, — это государи, авторитет которых я не желаю оскорблять, но и на весь мир я смотрю как на великую республику, где нужно водворить мир и доброе согласие» [1: с. 105]. Именно такими представлениями подготавливалась идеология коллизионного права, возобладавшая в XIX веке в виде идеи о том, что государственная власть не должна опасаться того, что на ее территории возможно будет применено иностранное право.

Литература

1. Брун М.И. Очерки истории конфликтного права. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915.
2. *Boullenois*. Traite de la personnalite et de la realite des loix contumes ou statute. 2 vol. Paris, 1766.
3. *Froland*. Memories concernant la nature et la gualite des statuts, 1729.

Literatura

1. *Brun M.I.* Ocherki istorii konfliktного права. М.: Тип. G. Lissnera i D. Sobko, 1915.
2. *Boullenois*. Traite de la personnalite et de la realite des loix contumes ou statute. 2 vol. Paris, 1766.
3. *Froland*. Memories concernant la nature et la gualite des statuts, 1729.

A.I. Krivenkiy

**The Historical Significance of the Theory of Statutes
for the Development of the Science of Private International Law**

Several centuries in the development of the science of international private (conflict, collision) law the theory of statutes, born on the basis of comments on the norms of Roman law in order to adapt it to the needs of the formed states of Europe dominated. In the course of the development of the theory of statutes, problems about the possibility of extraterritorial application of laws with the aim to protect the acquired rights outside its territory were raised. As a result, a number of theoretically important provisions were formulated on the regulative theory of conflict of laws, the territoriality of law, the collision principles of choice of law, which are widely used in modern international private law.

Keywords: conflict norms; collision norms; theory of statutes; statutory; territoriality of law; principles of choice of law.